

Восточноподольские говоры в контексте подольского говора Украины

Подольский говор, несмотря на активизацию его изучения в последние десятилетия, является наименее исследованным среди других говоров юго-западного наречия. Осуществить его внутреннюю дифференциацию по уже уложенному Атласу украинского языка долгое время было невозможно, поскольку данные различных структурных уровней подольской речи распылены между 1 и 2 томами, что затрудняло выяснение его ареалогии. Из-за того, что восточно-подольские говоры являются маргинальными наречиями юго-западного наречия и непосредственно граничат с наречиями юго-восточного наречия, это побудило исследователей к разработке пределов восточно-подольских говоров, как разграничительной линии между подольским и средне надднепрянским говорами, юго-западным и юго-восточным наречиями.

Несмотря на разнодиалектную стихию, восточноподольские говоры в своей основе остаются подольскими.

Фонетическая система восточноподольских говоров обнаруживает такие черты в системе вокализма как:

1. Безударный |e| реализуется звуками [и], [и^е], [е^и]: *бунки^ер, ве^ирх^н'ак, ве^ир'шок, во^рота жи^ел'изн'и, тил'атник, ви^илик'и при^м'ище^и'а, ви^елика^икомната, хата з низ'ким^и верхом / ви^ер'хом, зи^ем'ланушка, зим'ланка, ци^егл'а'на хата, хата на фун^д'аменти'и, с'кобил'.*

2. «Уканье» полное или частичное: *доска лобу^ва, жоло^вб, ло^вбо^ука, ку^ц'у^ба, ку^н'ушн'а, у^сад^м'ба.* Ф. Жилко отметил, что в подольских говорах нет различия /о/ и /у/ и чем дальше на запад, тем «уканье» оказывается более отчетливо [3, с. 235]. Наши наблюдения подтверждают мнение предыдущих исследователей восточноподольских говоров. К. № 6 демонстрирует фонетическую структуру лексемы *конюшня*. Фонетический вариант *ку^н'ушн'а* с запада клиновидно заходит в Умань, а также к говорам верховья реки Синюха. Явление «уканья» как последовательное в восточно-подольских говорах отмечает Г. Г. Березовская [1, с. 137]. Как показывает «Словарь названий одежды и обуви в восточноподольских говорах» и «Атлас названий одежды, обуви и украшений» автора (к. № 27), оно наблюдается в восточноподольских говорах с запада и до реки Гнилой Тикич.

Но вместе с тем в нескольких исследуемых говорах для обозначения места, на котором стоит дом с хозяйственными постройками (без огорода), зафиксировано лексему *о^сад^м'ба* с начальным гиперическим переходом этимологического /у/ → /о/, что не свойственно Подольском говору. Такое явление в говорах западной Черкащины отмечает Г. И. Мартынова. К. № 36 «Лингвистической географии Правобережной Черкащины» отражает гиперический переход /у/ → /о/ в лексеме *утюг* почти на всей территории от Умани до Днепра. Г. И. Мартынова утверждает, что изофон гиперического

перехода / у / → / о / в восточных правобережночеркасских говорах отражает сопротивление средненадднепрянской диалектной системы подольскому «уканью» [4, с. 40]. Исследовательница переходных говоров Т. В. Назарова видела в гиперизмах признак переходных говоров, поскольку они «по своей природе являются сопровождением столкновения разноязычных или разнодиалектных черт». «Они имеют свою диалектную территорию, полосу между наречиями, и в этой полосе они могут выступать как системное явление» [5, с. 25]. Говоры, в которых зафиксировано лексему *о'сад'м'ба*, формируют компактный островной ареал в междуречье Удича и Южного Буга, что по всем известным классификациям является территорией подольских говоров. Итак, это явление подтверждает мнение предыдущих исследователей о том, что восточноподольские говоры имеют разнодиалектную стихию.

3. В отдельных говорах зафиксировано «аканье» в произношении слов иноязычного происхождения, в частности *кан'форка*, *кам'форка* "круглое отверстие в кухонной плите" ← *кон'форка* (СУМ IV, 273), *катло'ван*, *котла'ван* "искусственное углубление в почве для фундамента зданий, сооружений" ← *котло'ван* (СУМ IV 310), *кра'ват'* "предназначенная для лежания мебель в виде рамы на ножках с двумя спинками, на которую кладут матрас и постельные принадлежности" ← *кровать* (ЕСУМ ИИИ, 100). Такое же явление зафиксировано в отдельных лексемах, помещенных в «Словаре названий одежды и обуви в восточноподольских говорах», например *к'имо'но* "спущенный короткий рукав" (Березовская, 108), *кал'цо* "обручальное кольцо без камней" (Березовская, 118), *ка'рал'и* "ожерелье из кораллов" (Березовская, 123), *кар'с'ет* "широкий упругий пояс, который надевают для подчеркивания стройности фигуры" (Березовская, 125), *кар'сетка* "приталенная вышитая женская безрукавка" (Березовская, 125), *ласку'ток* "небольшой кусок ткани" (Березовская, 145), *ма'д'істка* "швея" (Березовская, 155).

Локализация названных лексем свидетельствует о фрагментарности «аканья» в восточноподольских говорах. Карта № 72 Атласа украинского языка на исследуемой нами территории свидетельствует о вариативной реализации фонемы / о / звуками [о], [а] перед слогом с ударным [а]: *гон'чар / ган'чар* (АУМ И, к. № 72). Ф. Т. Жилко считает, что явление, когда звуковой ряд фонемы / о / переходит к звуковому ряду фонемы / а /, является наиболее характерным явлением для северных говоров [3, с. 40].

4. Как сопротивление системе говоров несвойственному «уканью» можно рассматривать реализацию фонемы / а / звуком [о] в лексемах *ког'ла* "отверстие в дымоходе, которое закрывают для сохранения тепла" ← *каг'ла* (СУМ IV, 67), *топ'чан* "мебель из деревянных досок, предназначенная для лежания" ← *топ'чан* (СУМ ИИ, 337), *кот'рага* "надстройка над погребом в виде шалаша" ← *кат'рага* (СУМ IV, 119), *п'лотва* "верхняя деревянная колода в стене, параллельная потолку, на которую кладут стропила" ← *п'латва* (СУМ V и, 566), *плот'ина* "скрепленные в форме четырехугольника деревянные балки, которые кладутся на платы, которые лежат

непосредственно на верхних краях стен "← *платина* и др. Такое языковое явление редко фиксирует словарь А. Г. Березовской, в частности *мо^натки* "мелкое домашнее имущество, личные вещи" ← *ма^натки* (СУМ ИВ 615), *кол^нсони* "нижние мужские штаны" ← *кал^нсони* (СУМ ИВ, 79).

5. Для говоров характерно параллельное употребление лексем с /о/ и /и/ в закрытом слоге в лексемах *п^нідвал* / *подвал* "помещение под первым этажом здания ниже уровня земли", *плот* / *пл^нім* "ограда, сплетенная из хвороста", *к^ніл'це* / *кол'ца* "цементное кольцо, используемое как сруб для колодца", *к^нішка* / *кошка* "металлический прибор с загнутыми концами для извлечения затонувших ведер со дна колодца", *обан^ніл* / *обанол* "одна из досок пола в сарае", *про^нг'ін* / *прогон*, *про^нх'ід* / *проход* "узкий проход между двумя соседними домами" и др.

Системе консонантизма восточноподольских говоров присущи следующие черты:

- в позиции перед глухими не всегда сохраняется звонкость согласных |б|, |в|, |х|, |д|, |ж|, |дж|, |дз|, |с|, |ц|: *в^нит'аж^нка*, *вируб^н*, *в^нім'с'ік* и др.;

- все исследуемые говоры последовательно сохраняют протетические согласные [г], [в] перед гласными [а], [о], [у]: *гамбар*, *гобсипана хата*, *гопудало*, *гопора*, *годв'ірок*, *гобора*, *гоб'іс'т'а*, *гоколат*, *гослон*, *гоче^нрет*, что подтверждают карты АУМ (И, к. 7). Т. Н. Тищенко изоглоссы ареала бытования приставных [г], [в], [л] в говорах подольско-среднеподнепровского порубежья проводит с северо-запада на юго-восток по линии: Павловка Жашковского района - Кислин Маньковского р-на - Рызино - Озерная - Скалеватка Звенигородского р-на - Обухов - Ступичное - Мокрая Калигорка Катеринопольского р-на - Соболевка - Кавуновка Шполянского р-на Черкасской обл. Украины с незначительными отклонениями вправо и влево [6, с. 144]. На такую особенность восточно-подольских говоров указывает и исследователь А. Г. Березовская, ограничивая изоглоссы протетической [г] в лексеме *о^нуча* с запада по линии Софиполь Тетиевского р-на Киевской обл. - Кривчунка - Харьковка Маньковского р-на - Романовка Тальновского района - Луковка - Пальчик Катеринопольского р-на Черкасской обл. - Журавка - Ятрань Новоархангельского района Кировоградской обл. - Оксаннино Уманского района - Тридубы Кривоозерского района Николаевской области Украины. (Березовская, к. 27). Иногда в говорах зафиксировано лексемы с удельными корнями без протезы: *угол*, *улик*, *ул'ій*; *проулок*, *п^нідокон.ик*.

- соединение |вј| в исследуемых говорах реализуются звукосочетанием [ўл']: *хата полудиреўл'ана*, *пол диріеўл'аний*, *стел'а де^нриеўл'ана*;

- двофонемное соединение |мн'| зафиксировано на месте |мј|: *солонн'аник*, *солонн'аники*, *верх солонн'аний*. Двофонемные соединения губных с |л'|, |н'| распространены в юго-западных говорах [3, с. 59];

- фонема |ф| реализуется звукосочетанием [хв] в словах *ш^ніхвер*, *х^нверма*, *ш^ніхве^нр*;

- звукосочетание [хв] может заступаться звуком [ф]: *ф'іртка*;
- фонему | х | в отдельных лексемах реализовано звуком [ф]: *штафети*, *куфн'а*;

- корреляция твердости: мягкости согласных | р | - | р' | происходит непоследовательно. Зафиксировано лексемы *г'ира*, *байст'рук*, *дру'чок*, *п'расло*, *хата* *курана*, *хата* *ўкурана*, *подв'іра*, *кру'чок*, *куратник*, *ла'рок* с диспалатализованным [р] ;

- соединение | вн | р [мн]: *р'імно*, *р'імнен'ко*, *р'імно'м'ірно*. Ф. Жилко замечал, что явление назализации характерно для юго-западных, в частности для подольских говоров [3, с. 59];

- в звукосоединении [с'в'], [ц'в'] перед [йа] происходит диспалатализация губного согласного: *ку'ток с'ва'чений*, *ку'ток сва'тій*;

- конечный согласный [т'] в глаголах III лиц. Также диспалатализируется *добу'вайут*, *б'іл'ат*;

- потеря долготы согласных [т':], [н':], [л':], [с':], [ч':] после гласных перед гласными [а] наблюдается в западных восточно-подольских говорах: *накри'т'а*, *в'і'кон.иц'а*, *в'і'нич.а*;

- префикс *від-* перед глухими последовательно передается как *от-*: *доска отли'ўна*, *от'кос*, *от'хожа*, *от'мостка*, *от'м'ен*, *от'в'ортка*, *от'л'і'ў*.

В исследуемых говорах зафиксировано лексемы, которые подверглись изменениям формальной структуры слова, обусловленных субституции согласных, потерей этимологических согласных, появлением эпентетичных звуков, усечение основы, метатезой.

В восточноподольских говорах зафиксированы результаты субституционных процессов:

/г/ – /м/ *шлагбаум* – *шламбаум*

/б/ – /в/ *бал'чоси* – *ван'чоси*

/б/ – /м/ *цаб'рини* – *ц'ам'рина*

/з/ – /ж/ *за'л'ізо* – *жи^ел'ізній*

/м/ – /н/ *ам'бар* – *ан'гар*

/л/ – /н/ *бал'чоси* – *бан'чоси*

/л/ – | ў | *рога'чильно* – *рога'ч'і'ўно*

/р/ – /л/ *кори'дор* – *кал'і'дор*

/л/ – /н/ *сто'дол* – *сто'дон*

/л/ – |ї| *но'силки* – *но'с'ї'ки*

/с/ – /ш/ *скрум* – *шкрум*, *са'петка* – *шта'петка*

/ч/ – |к| *ло'пата п'і'чна* – *ло'пата п'і'к'на*

/н./ – |л'| *с'і'н.ик* – *с'і'л'ник*.

Явление субституции | н' | - | л' | обнаружено также Т. М. Тищенко в части говоров подольско-среднеднепрянского предела. Она отмечает, что изоглосса ограничения его проходит по линии Малая Мочулка Теплицкого района Винницкой обл. - Кузьмина Гребля Христиновского района - Кочержинцы - Громы - Степковка - Заячковка Уманского района Черкасской обл. - Перегоновка - Подвысокое - Мартыновка Кировоградской обл. [6, с. 99] и разделяет исследуемую территорию на южную и северную (к. № 102).

Лексему *с'іл'ник* 'помещение для сена' зафиксировано в южной части восточноподольских говоров.

Специфику восточноподольских говоров репрезентуют морфологические черты, среди которых отметим следующие:

- страдательные причастия образуются с помощью суффикса *-ан-*: *го'рожана* ¹*хата*, *г'іпс* ¹*випал'аний*, *г'іпс* ¹*опал'аний*, *с'тул'ані* до купи кон'ки, *д'і'жа* ^п*лет'ана*, ¹*хата сп'лет'ана*, ¹*хата ў'курана*, ¹*хата го'род'ана*, ¹*хата за'кур'ана*, ¹*хата не^имасц'ана*, *с'тел'а* ¹*маст'ана*, *с'тел'а* ¹*пошче^ика'тур'ана*, *с'тел'а* ¹*поглад'ана*, *тин* ^п*лет'аний*;

- существительные, образованные от словосочетания «причастие + существительное», имеют суффикс *-анка*: *п'лет'анка*;

- существительные женского и мужского рода мягкой группы имеют в творительном падеже окончания существительных твердой группы *-ом*, *-ойу*: *с'тел'ойу*, *жураў'л'ом*;

- лексемы со значением «ручка», «орудие» образуются с помощью суффикса *-ис'ко*: *топо'рис'ко*, *де^ир'жалис'ко*, *три'малис'ко* показывает, что лексемы с формантом *-ис'к(о)* для обозначения рукоятки топора занимают всю западную часть исследуемых говоров до р. Горный Тикич и почти до границы Кировоградской и Черкасской областей в направлении на юго-запад. И хотя Л. Дикая считает, что проследить функционирования суффиксов *ище* и *-ис'ко* в других значениях, кроме локативных, по АУМ практически невозможно из-за единичных примеров [2, с. 46], все же наши наблюдения подтверждают карты АУМ (I), где подобную конфигурацию имеет изоглосса, что ограничивает использование аффикса *-ис'к(о)* в образовании лексем для обозначения поля ¹*житнис'ко*, *па'совис'ко*, *картон'лис'ко* (к. № 175). Кроме того, в говорах подольско-среднеднепрянской границы функционирования суффикса *-ис'к(о)* в лексемах *йач'менис'ко*, *йач'м'ініс'ко*, *йачи'м'ініс'ко*, *йаш'нис'ко*, *йашніс'ко*, по мнению Т. М. Тищенко, ограничивает изоглосса, которая проходит севернее р. Горный Тикич на западе, в междуречье Горного и Гнилого Тикичей и западнее р. Синюхи в направлении к югу [6, с. 106].

- спорадически в исследуемых говорах выявлены изменения грамматического рода существительных, причиной которых, по мнению исследователей переходных говоров, является междиалектное взаимодействие. Заметим, что явления изменения грамматического рода и числа лексем зафиксировано в говорах на всей исследуемой нами территории, в частности:

а) женский > мужской: *вар'цаба* – *вар'цаб*, *сто'дола* – *сто'дол*;

б) мужской > женский: *за'в'іс* – *за'в'іса*; *за'с'ік* – *за'с'іка*;

в) мужской > множество: *за'в'іс* – *за'в'іси*, *китиц'а* – *китиц'і*, *ц'ам'рина* – *циб'рини*;

г) множество > средний: *п'ідра*, *п'одра*, *п'одри* – *п'одро*.

В исследуемых говорах возникают синонимичные названия, значительная часть которых используется без семантической или стилевой дифференциации. Абсолютными синонимами стали номены: *с'ідало*, *п'одра*,

бантини "место для сидения кур в курятнике" *штахети*, *лати* "перекладина в изгороди" (к. № 18), *дв'ір*, *об'їс'т'я*, *садиба*, *усад'ба* " место, где стоит дом с хозяйственными постройками " *підна'в'ес*, *шона*, *пов'ітка*, *комора* "помещение для хранения половы "и др. Говорковая синонимия приводит минимальную дифференциацию исследуемого континуума.

Карты показывают употребление значительного количества архаических лексем: *клун'а*, *сапетка*, *шона*, *стодла*, *слуп*, *граса*, архаизация которых может способствовать расширению семантики таких лексем без осознания говорящими первоначального значения слова: лексема *шона* (первоначальное значение "накрытие на четырех столбах, вкопанных в землю") в говорах зафиксированы такие значения "помещение для инвентаря", "помещение для содержания свиней в домашнем хозяйстве", "помещение для содержания коров в домашнем хозяйстве", "здание для хранения снопов, сена, соломы, а также молотьбы, веяния и т.д.", "помещение для лошадей" , "помещение для половы" , "помещение, куда заносят ульи на зиму" , "помещение, в котором хранят зерно". Итак, первоначальная семантика слова практически утрачена. В большинстве говоров для обозначения здания на четырех столбах, накрытого сверху, используют лексемы, производные от *в'іс*-: *на'в'іс*, *підна'в'іс*. Часто только сохранение в сознании говорящих и отсутствие такой реалии вызывает явление субституции *стодла* → *стодол* → *стодон*.

Итак, лингвогеографическая и лексикографическая обработка лексики восточноподольских говоров позволяет констатировать, что на фонетическом, и морфологическом уровнях они являются типичными подольскими, хотя и подвержены влиянию соседних говоров.

Литература

1. Березовська Г. Г. Структурна організація та географія назв традиційного одягу та прикрас у східноподільських говірках : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Г. Г. Березовська. – К., 2011. – 17 с.
2. Діалектні групи і говори української мови : [метод. матеріали з курсу укр. діалектології / упоряд. С. П. Бевзенко ; відп. ред. В. П. Дроздовський]. – Одеса, 1975. – 54 с.
3. Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови / Ф. Т. Жилко. – К. : Рад. школа, 1966. – 307 с.
4. Мартинова Г. І. Лінгвістична географія правобережної Черкащини / Ганна Іванівна Мартинова. – Черкаси : Відлуння – Плюс, 2000. – 265 с.

5. Мораховская О. Н. К сопоставлению лингвистических и этнографических ареалов / О. Н. Мораховская // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Наука, 1977. – С. 241–246.

Источники

СУМ – Словник української мови : в 11-ти т. / за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1970–1980.– Т. 1–11.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 7 т. / редкол.

О. С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – К. : Наук. думка, 1982–2012. – Т. 1–6.

АУМ I – Атлас української мови : в 3-х т. – Т. 1. Полісся, Наддніпрянщина і суміжні землі / ред. кол.: І. Г. Матвіяс (голова), Я. В. Закревська та ін. – К. : Наук. думка, 1984. – 498 с., карт.

Аннотація

Полищук Л. Б. Восточно-подольские говоры в контексте подольского говора.

*В статье проанализированы восточноподольские говоры в контексте подольского говора, выяснены особенности функционирования фонетических и морфологических вариантов. Особую значимость анализ диалектных слов приобретает тогда, когда языковые единицы являются выразителями региональной культуры и способствуют реконструкции истории культуры народа в целом. Названия реалий строительства содержат не только лингвистическую информацию, но и дают представление о различных сторонах жизни и деятельности носителей языка в конкретном регионе. **Ключевые слова:** диалект, диалектная лексика, лексема, номен, лексико-семантическая группа, восточноподольские говоры.*

Заявка участника

Фамилия, имя, отчество ___Полищук Леся Борисовна

Место работы (название учреждения)___ Уманский государственный педагогический университет имени Павла Тичины

Служебный адрес (с почтовым индексом), телефон, e-mail
_polishchuklesia@yandex.ru

Должность (с указанием кафедры или отдела)___преподаватель кафедры славянских языков и зарубежной литературы

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук

Тема доклада Восточноподольские говоры в контексте подольского говора
Украины

Форма участия _____ заочная